ЮРИЙ ТЫНЯНОВ
ПОДПОРУЧИК КИЖЕ
Литрес

Юрий Тынянов

Подпоручик Киже

«Public Domain»

1927

Тынянов Ю. Н.

Подпоручик Киже / Ю. Н. Тынянов — «Public Domain», 1927

ISBN 978-5-4467-0916-8

«Император Павел дремал у открытого окна. В послеобеденный час, когда пища медленно борется с телом, были запрещены какие-либо беспокойства. Он дремал, сидя на высоком кресле, заставленный сзади и с боков стеклянною ширмою. Павлу Петровичу снился обычный послеобеденный сон…»

ISBN 978-5-4467-0916-8

© Тынянов Ю. Н., 1927
© Public Domain, 1927

Содержание

1 5
2 6
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Юрий Тынянов
Подпоручик Киже

1

Император Павел дремал у открытого окна. В послеобеденный час, когда пища медленно борется с телом, были запрещены какие-либо беспокойства. Он дремал, сидя на высоком кресле, заставленный сзади и с боков стеклянною ширмою. Павлу Петровичу снился обычный послеобеденный сон.

Он сидел в Гатчине, в своем стриженом садике, и округлый купидон в углу смотрел на него, как он обедает с семьей. Потом издали пошел скрип. Он шел по ухабам, однообразно и подпрыгивая. Павел Петрович увидел вдали треуголку, конский скок, оглобли одноколки, пыль. Он спрятался под стол, так как треуголка была – фельдъегерь. За ним скакали из Петербурга.

– Nous sommes perdus…[1] – закричал он хрипло жене из-под стола, чтобы она тоже спряталась.

Под столом не хватало воздуха, и скрип уже был там, одноколка оглоблями лезла на него.

Фельдъегерь заглянул под стол, нашел там Павла Петровича и сказал ему:

– Ваше величество. Ее величество матушка ваша скончалась.

Но как только Павел Петрович стал вылезать из-под стола, фельдъегерь щелкнул его по лбу и крикнул:

– Караул!

Павел Петрович отмахнулся и поймал муху.

Так он сидел, выкатив серые глаза в окно Павловского дворца, задыхаясь от пищи и тоски, с жужжащей мухой в руке, и прислушивался.

Кто-то кричал под окном «караул».

[1] Мы погибли *(фр.)*.

2

В канцелярии Преображенского полка военный писарь был сослан в Сибирь, по наказании.

Новый писарь, молодой еще мальчик, сидел за столом и писал. Его рука дрожала, потому что он запоздал.

Нужно было кончить перепиской приказ по полку ровно к шести часам, для того чтобы дежурный адъютант отвез его во дворец, и там адъютант его величества, присоединив приказ к другим таким же, представил императору в девять. Опоздание было преступлением. Полковой писарь встал раньше времени, но испортил приказ и теперь делал другой список. В первом списке сделал он две ошибки: поручика Синюхаева написал умершим, так как Синюхаев шел сразу же после умершего майора Соколова, и допустил нелепое написание: вместо «Подпоручики же Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются» написал: «Подпоручик Киже, Стивен, Рыбин и Азанчеев назначаются». Когда он писал слово *«Подпоручики»,* вошел офицер, и он вытянулся перед ним, остановясь на к, а потом, сев снова за приказ, напутал и написал: *«Подпоручик Киже».*

Он знал, что, если к шести часам приказ не поспеет, адъютант крикнет: «взять», и его возьмут. Поэтому рука его не шла, он писал все медленнее и медленнее и вдруг брызнул большую, красивую, как фонтан, кляксу на приказ.

Оставалось всего десять минут.

Откинувшись назад, писарь посмотрел на часы, как на живого человека, потом пальцами, как бы отделенными от тела и ходившими по своей воле, он стал рыться в бумагах за чистым листом, хотя здесь чистых листов вовсе не было, а они лежали в шкапу, в большом аккурате сложенные в стопку.

Но так, уже в отчаянии и только для последнего приличия перед самим собою роясь, он вторично остолбенел.

Другая, не менее важная бумага была написана тоже неправильно.

Согласно императорского приложения за N 940 о неупотреблении слов в донесениях, следовало не употреблять слова «обозреть», но *осмотреть,* не употреблять слова «выполнить», но *исполнить,* не писать «стража», но *караул,* и ни в коем случае не писать «отряд», но *деташемент.*

Для гражданских установлений было еще прибавлено, чтобы не писать «степень», но *класс,* и не «общество», но *собрание,* а вместо «гражданин» употреблять: *купец* или *мещанин.*

Но это уже было написано мелким почерком, внизу распоряжения N940, висящего тут же на стене, перед глазами писаря, и этого он не читал, но о словах «обозреть» и прочая он выучил в первый же день и хорошо помнил.

В бумаге же, приготовленной для подписания командиру полка и направляемой барону Аракчееву, было написано:

Обозрев, по поручению вашего превосходительства, *отряды стражи,* собственно для несения пригородной при Санкт-Петербурге и выездной служб назначенные, донесть имею честь, что все сие *выполнено*…

И это еще не все.

Первая строка им же самим давеча переписанного донесения изображена была:

Ваше превосходительство Милостивый Государь.

Для малого ребенка уже было небезызвестно, что обращение, в одну строку написанное, означало приказание, а в донесениях лица подчиненного, и в особенности такому лицу, как барон Аракчеев, можно было писать только в двух строках:

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь,

что означало подчинение и вежливость.

И если за обозрев и прочая могло быть ему поставлено в вину, что он не заметил и вовремя не обратил внимание, то с *Милостивым Государем* напутал при переписке именно он сам.

И, уж более не сознавая, что делает, писарь сел исправить эту бумагу. Переписывая ее, он мгновенно забыл о приказе, хотя тот был много спешнее.

Когда же от адъютанта прибыл за приказом вестовой, писарь посмотрел на часы и на вестового и вдруг протянул ему лист с умершим поручиком Синюхаевым.

Потом сел и, все еще дрожа, писал: *превосходительства, деташементы, караула.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.